

Мария Куса

Университет им. Коменского в Братиславе

Словакия

<https://orcid.org/0000-0002-6051-3997>

СЛОВАЦКИЕ ПЕРЕВОДЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 1980-Е ГОДЫ

SLOVAK TRANSLATIONS OF RUSSIAN LITERATURE IN THE 1980S

Slovak translations of Russian literature in the 1980s – shaped in the aftermath of the August 1968 invasion of Czechoslovakia by Warsaw Pact troops – were influenced not only by the selection of “suitable” texts approved or withheld for translation by the relevant USSR institutions (the so-called VAAP – Vsesoiuznoe agentstvo po avtorskim pravam), but also by decisions made by domestic Slovak bodies. This system remained in place until the political transition of 1989, after which special editions for Russian, Soviet, and other “socialist” literature were gradually phased out, and the book market underwent a fundamental transformation. The article examines how the Slovak book market navigated the complexities of the final five years of totalitarian rule – a period marked by political and social liberalization following the onset of perestroika (1985–1989).

Keywords: Slovak translations of Russian literature, censorship, self-censorship, re-evaluation of translations, perestroika

SŁOWACKIE PRZEKŁADY LITERATURY ROSYJSKIEJ W LATACH 80. XX WIEKU

W latach 80., czyli po wydarzeniach sierpnia 1968 roku (po rozpoczęciu okupacji Czechosłowacji przez wojska Układu Warszawskiego), na rynek słowackich przekładów literatury rosyjskiej wpływało nie tylko poprzez wybór „odpowiednich”

tekstów (oferowanych lub nie) do przekładu przez odpowiednie instytucje ZSRR (Wszechzwiązkową Agencję ds. Praw Autorskich), lecz także poprzez decyzje instytucji krajowych, słowackich. Zmiany w tym zakresie nastąpiły dopiero po upadku reżimu w 1989 roku, kiedy to zaczęto stopniowo wycofywać specjalne wydania literatury „socjalistycznej” (rosyjskiej/radzieckiej i innej), ale i rynek książki był zasadniczo zmieniony oraz sukcesywnie przekształcany. W artykule podjęto próbę odpowiedzi na pytanie, jak słowacki rynek książki zareagował na złożoność ostatnich pięciu lat totalitaryzmu – sytuację politycznego i społecznego odprężenia od początku pierestrojki (1985–1989).

Słowa kluczowe: słowackie przekłady literatury rosyjskiej, cenzura, autocenzura, ponowna weryfikacja przekładów, pierestrojka

Изначальная цель статьи была осознанно сформулирована как рассмотрение того, каким образом во второй половине 80-х годов в тоталитарном социалистическом блоке (и конкретно в Словакии в рамках бывшей Чехословакии) вели себя культурные институции – в первую очередь, издательства, но и другие учреждения, связанные с ними – в случае словацкого (чешского/чехословацкого) культурного пространства ими были «Словацкий центр книжной культуры» и «Словацкое управление печати и информации», которым тогдашняя власть «поручила» следить за идеологической чистотой издаваемых книг и печатных изданий. Гипотезой являлось подтверждение или опровержение некоторых утверждений, в основном связанных с тем, что в русско-советской среде называлось системной литературой. Как это часто случается, в процессе работы с материалом открылось множество дальнейших явлений и фактов, говорящих о состоянии переводов русской литературы в последние пять лет перед сменой режима – т.е. в годы с 1985 по 1990. Из-за того, что многие архивные материалы последних лет режима не предоставляли достаточное изображение реальности культурного пространства того времени даже в сравнении с тогдашней печатью, при исследовании мы старались главным образом использовать сопоставление с различными формами *oral history* как способа сохранения другого типа исторической памяти. Итак, мы сосредоточимся на восприятии русской литературы в пространстве средней Европы, и, как мы и писали ранее, в Словакии в рамках бывшей

Чехословакии, потому что один из последних обзоров истории перевода в Европе говорит о некоторых различиях, в том числе в рамках региона, который мы сегодня называем вышеградским пространством.

Составители монографии *Histoire de la traduction littéraire en Europe médiane. Des origines a 1989* утверждают, что с точки зрения ситуации в СССР фактически до самой смены режима русская (советская) литература однозначно доминировала среди переводимой литературы: «La prépondérance de la littérature russe (et soviétique) se prolongea en Tchécoslovaquie jusqu'en 1989»¹. Они исходят из статистических данных, касающихся конкретных культурных пространств, и аргументированно доказывают, что в польском и венгерском контекстах создания переводов русская литература играла главную роль, по сути, только до половины 70-х. Она относилась к значимым источникам переводимых текстов и в дальнейшем, но уже не являлась наиболее переводимой. Следующим различием при рефлексии функционирования русской литературы в других культурных пространствах является специфическая ориентация словацкой, а до определенной меры и чешской русистики именно на исследование восприятия. В этом смысле польская и венгерская литературоведческая русистика во второй половине XX века скорее была ориентирована не на аспект восприятия и переводное положение русской литературы, а на ее литературно-историческое понимание, например, в многочисленных польских трудах об истории русской литературы (Габриэля Порембина, Станислав Поремба 1994; Анджей Дравич 1997 и др.) или на литературно-исторические размышления, касающиеся форм (или же конца) социалистическо-реалистической парадигмы (Петр Фаст 2003, Катажина Сыска 2015 и др.) Подобная ситуация наблюдается и в венгерском пространстве. Перевод и переводческая деятельность занимают свое место в размышлениях о положении упомянутой центральной Европы, если речь идет о мировой литературе, где они появляются как освящающие

Мария Куса Словацкие переводы русской...

¹ Antoine Chalvin, Jean-Léon Muller, Katre Talviste, Marie Vrinat-Nikolov, *Histoire de la traduction littéraire en Europe médiane. Des origines a 1989* (Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2019).

и легитимирующие институты. Центральная Европа, согласно Паскаль Касановой, «иллюстрирует в том числе явление так называемого перевода/накопления», о котором она говорит в связи с социологическими перспективами литературного обмена. Перевод ею определяется как коллективная стратегия импорта «литературного капитала» в контролируемых культурных пространствах². Касанова отмечает, что перевод также является способом догнать «литературное время», но наряду с этим – подразумевает определенное сохранение, повторение, воспроизведение – и, таким образом, подтверждение исходных точек повествования, которые поддерживают «национальные/традиционные/консервативные» темы, методы, нарративы. Реализацию всех этих функций перевода, о которых говорит Касанова, мы можем найти в опыте словацкого культурного пространства второй половины 80-х годов XX века.

Если мы хотим ответить на эти вопросы, прояснить научные цели наших рассуждений, и таким образом подтвердить или опровергнуть утверждения литературоведа Касановой, необходимо более пристально взглянуть на изучаемый материал, хронологически относящийся еще к основной перемене словацкого культурного пространства – т.е. к послевоенному периоду.

Как выглядело издательское дело в то время? В качестве основного «национального» издательства словацкого культурного пространства после 1949 года, т.е. после принятия нового закона о печати, национализировавшего издательские дома, возникло издательство «Словацкий писатель» (1951) – как доминирующее государственное издательство оригинальной и переводной литературы.

Еще в 1941 году стало самостоятельным «Словацкое издательство художественной литературы» (в 1947 переименованное в «Татран», в 1953 – обратно в «СИХЛ» и от 1965 года до сегодняшнего дня называющееся «Татран»), которое сосредотачивалось скорее на издании классики и различных репрезентативных публикациях.

² Pascale Casanova, *Světová republika literatury* (Praha: Univerzita Karlova v Praze, Nakladatelství Karolinum, 2012), 371.

После 1949 года появлялись и издательства, ориентированные на читателей определенного возраста: в 1949–1991 годах работало издательство литературы для молодежи «Смена», с 1953 года – издательство детской и молодежной литературы «Молодые годы» (какое-то время – «Словацкое издательство детской литературы»), и от 1956 года вновь «Молодые годы»).

Издательство «Правда» (1945) стало органом государственной партии и так же претерпело многочисленные преобразования и несколько смен названий: 1953 – «Словацкое издательство политической литературы», в годы Пражской весны 1968–1970 – «Эпоха», и от 1970, года нормализации, вновь «Правда».

Пражская весна принесла ветер перемен не только в столицу тогдашней ЧССР, но и во все словацкое культурное пространство: возвращение к традициям эпохи до социалистического реализма, к модерну и авангарду, открытость стимулам не только западноевропейского, но и неевропейского/североамериканского/латиноамериканского и других пространств. Русская литература и культура были, в основном в начале этого общественно-политического освобождения, как бы посредниками, дорожками, по которым могли пройти и другие литературы, другие авторы, другие нарративы... [*Pars pro toto*: при восприятии латиноамериканского социалистического реализма часто звучал аргумент опыта некоторых литератур бывшего/тогдашнего СССР с живым мифологическим восприятием мира (Чингиз Айтматов, Анатолий Ким и др.)].

Приблизительно с первой трети 60-х годов до 1970 года мы можем говорить о так называемых «золотых 60-х» или оттепели, которая посредством журналов и книг принесла в словацкое культурное пространство богатство и силу «русской» первой трети XX века в ее европейском масштабе. Словацкая историография освещает этот период в культуре фактически только с начала второго десятилетия XXI века в работах Мирослава Лондака, Елены Лондаковой и Станислава Сикора в рамках проекта «Slovensko po roku 1968. Cez mráz normalizácie k samostatnej

slovenskej republiky a demokracii» и «Mechanizmus fungovania komunistického režimu na Slovensku v rokoch 1948 až 1989»³.

21 августа 1968 года с оккупацией ЧССР войсками стран Варшавского договора, с унижительным Московским договором и последующей постепенной ликвидацией демократических процессов наступил период, который тогдашняя власть парадоксально назвала «нормализацией». Размышления о коварстве этого названия сформулировал в 2008 году Петер Заяц:

Нормализация начала 1970-х была коварна не только тем, что называла термином *нормализация* что-то ненормальное, и словом *наставление* – грубое насилие (сегодня другая, но очень похожая власть говорит о специальной операции или переклассификации международных вод – М.К.), но и отталкивающими формами цензуры. Одной из таких форм были запреты на публичные выступления не подвергшихся наставлению, другим – самоцензура. [...] В СМИ, газетах и издательствах существовали официальные и неписанные списки запрещенных авторов. Роль цензора частично взяли на себя [...] главные редакторы газет и издательств. Они знали все о том, как обойти цензуру, и взгляда их зорких глаз не избежала ни одна мышь. «Словацкий центр книжной культуры» (SÚTI) и «Словацкое управление печати и информации» (SÚKK) лишь контролировали работу цензоров, следя за тем, чтобы они ответственно выполняли свои обязанности. Это было несложно. Все находились в подчинении одного идеологического отдела Центрального комитета партии⁴.

Очень похоже в *oral history* словацких переводчиков, подготовленной коллегами Габриэлой Маговой и Радославом Пассиа, подобным образом, но все же несколько иначе об этом говорит Виера Хегерова (1933), сегодня – одна из столпов словацкого

³ Miroslav Londák, Stanislav Sikora, Elena Londáková, *Od predjaria k normalizácii. Slovensko v Československu na rozhraní 60. a 70. rokov 20. storočia* (Bratislava: Veda a Historický ústav SAV, 2016).

⁴ Peter Zajac, “Odborníci,” *týždeň*, June 22, 2008, <https://www.tyzden.sk/casopis/2661/odbornici/?ref=kat> (Дата обращения: 19.05.2025). Словацкий центр книжной культуры в конечном итоге разрешал или запрещал издание книжного наименования и в 70-х годах политически консолидировал книжную культуру и издательскую среду. Центр одобрял годовые редакционные планы домашней и переводной литературы, которые строились на пятилетние планы и более далекие горизонты. Здесь и далее перевод цитат наш – М.К.

перевода, в 1965–1990 годах редактор упомянутого профильного издательства «Словацкий писатель», переводчик русской литературы, редактор издания «Spoločnosť priateľov krásnych kníh» (SPKK), позже – редакции «Nová sovietska tvorba». Возникновение издания «Nová sovietska tvorba», которое было одним из многих (как было обязано произойти практически в каждом издательстве), представляло собой акцию создания редакции для издания русской литературы и, отдельно, литературы советского времени как часть нормализационной культурной политики нормализации, способа импорта в словацкое культурное пространство, говоря согласно Касановой⁵, «советского литературного капитала».

Словацкая культура, однако, использовала этот канал противоположным образом. Хегерова вариант этого «импорта» формулировала без упрощения так:

В пресловутый период нормализации ужесточилась и издательская политика. Нам было поручено расширить издание советской литературы. Для нас, русистов, которые уже хорошо разбирались в современной, особенно русской, прозе, это стало вызовом. Нам было из чего выбирать – в русских ежемесячных изданиях вышел Б. Окуджава, Ф. Абрамов, В. Астафьев, Ю. Трифонов, В. Шукшин и многие другие, у нас еще, неизвестные авторы. Мы основали издание Nová sovietska tvorba. Но все не было так просто. Произведения должны были быть одобрены Словацким центром книжной культуры, и к каждому нужны были два заключения сторонних экспертов. В некоторых случаях мы сталкивались с несогласием. Аргумента о том, что произведение печаталось в Советском Союзе, было недостаточно. Нам объяснили, что мы – больной организм, который еще не дорос до литературы такого типа (например, «Бедный Авросимов»). [...] Вышеупомянутая SÚKK однако не была единственной институцией, которая одобряла печать книжек, и с русской/советской литературой все было еще сложнее⁶.

⁵ Pascale Casanova, “Consécration et accumulation de capital littéraire. La traduction comme échange inégal,” *Actes de la recherche en sciences sociales*, т. 144, № 4 (2002), 7–20.

⁶ *Deväť životov. Rozhovory o preklade a literárnom živote*, ред. Radoslav Passia, Gabriela Magová (Bratislava: Kalligram, 2015), 184–186.

Мы уже упомянули институты словацкого культурного пространства, однако, свою роль сыграли и институты другой, высылающей стороны, в большой мере – так называемое ВААП, – Всесоюзное агентство по авторским правам, которое было учреждено Советом Министров СССР в связи с присоединением СССР к Всемирной конвенции об авторском праве, последовавшем 27 февраля 1973 и действительным с 27 мая 1973. Постановление Совета Министров СССР № 588 от 16 августа 1973 года «О Всесоюзном агентстве по авторским правам» осталось неопубликованным, поскольку содержало положения «не для печати». Документ был напечатан в изложении в газете «Известия» за 27 декабря 1973.

ВААП заявляло и осуществляло правовую монополию на литературные, художественно-изобразительные, научные и публицистические произведения советских авторов (это касалось как внутренних, так и международных отношений). Оно представляло права советских и зарубежных авторов при использовании их произведений в СССР, равно как права советских авторов и их наследников за границей.

ВААП, что стоит отметить, от момента основания работало со списками, которые, по факту, «определяли», кого можно переводить, а кого – нельзя. Но важно, что это были уже не 1950-е годы, и тоталитаризм нормализации с начала 8-го десятилетия уже тоже прохулился в нескольких местах... Парадоксальным образом, некоторые работники ВААП играли роль посредников при обходе строгих правил. А правила нормализации в ЧССР были специфическими, чехословацкое пространство – в том числе, вероятно, в связи с сильным диссидентским фоном, особенно в чешском культурном пространстве – действительно считалось «больным организмом», и цензура уделяла особое внимание идеологической чистоте переводов из советского пространства. Прежде всего, следует еще раз подчеркнуть, что в период нормализации в издательствах были созданы новые издания, которые должны были посвятить свою деятельность современной русской/советской литературе с упором на советский атрибут. Так, в «Словацком писателе» в 1972 году появилось упомянутая Хегеровой редакция «Nová sovietska tvorba»,

в «Татране» – редакция «Pamír», дидактическая «Čítanie študujúcej mládeže», а в издательстве «Обзор» этих редакций было больше (Мемуарная и биографическая «Postavy a osudy», сосредоточившаяся на увлекательных сюжетах «Jantár»). Представленность русских/советских текстов в них была очень высока, это было издательство, которое должно было издавать публикации для целей СЧССД – Союза чехословацкой советской дружбы⁷.

Хегерова вспоминает:

Вместе с коллегами-русистами – из издательства, с философского факультета Университета Коменского, из Словацкой Академии наук, с русистами из других издательств мы образовали коллектив экспертов в области хорошей советской литературы, за издание которой нам не было стыдно. Мы встречались в приватной обстановке, немного так незаконно, И.С. называл нас «Кружок Петрашевцев», и мы знакомились с находками друг друга. В наших тогдашних издательских планах и близко не оказалось наименований так называемой секретарской литературы – этим термином обозначались произведения партийных функционеров и писателей в лучах политической славы⁸.

1971–1980 годы были годами нормализации, когда нежелательные переводы отправлялись в индексированные (недоступные прямо) фонды библиотек, а переводчики – на производственные предприятия. В издательствах и союзах, как и в упомянутых институтах, проверялось, что можно переводить, кто может переводить. Все тщательно отбиралось и утверждалось. Частичный перелом в культурной ситуации можно зафиксировать в 1976 году после 15 съезда Коммунистической партии Чехословацкой Республики,

который установил программу «борьбы за повышение качества». Однако путь к повышению качества лежал через инновацию тем и средств выражения, что открывало простор для расширения и более субъективного понимания тематического охвата⁹.

⁷ *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996* (Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1998).

⁸ *Deväť životov. Rozhovory o preklade a literárnom živote*, 184–186.

⁹ Viliam Marčok и др., *Dejiny slovenskej literatúry III.* (Bratislava: LIC, 2004), 49.

Строго говоря, мы видим применение опыта советского пространства – если повышать качество, то через «постановление ЦК КПСС», как, скажем, в 1925 году...

Парадоксальным образом, навязанная властью «нормализация» социальной и культурной реальности привела к дифференциации культурного пространства. С одной стороны, официальное культурное пространство было сферой деятельности институционально разрешенных издательств, где переводные тексты возникали легально, и так распространялись и обращались. Перевод в них мог принимать форму жеста культурной интеграции (издание классики, литературного наследия, имеющего эстетическую и литературную ценность, или литературно качественных и эстетически актуальных произведений современной литературы). Отпечаток политического жеста несли соответствующие идеологии и современной «предписанной» эстетике переводы, которых словацкие русисты, согласно цитируемой и кое-где опубликованной *oral history*, подкрепленной изданными текстами, старались избегать. Так в официальном культурном пространстве скрывалась область неразрешенного, цензурируемого поля перевода, которую образывали переводы из списка запрещенных книг – а) переведенные, но не изданные (антология польской драмы в итоге без «абсурдной» драмы Станислава Игнация Виткевича – 1975), б) изданные, но изъятые из официального оборота книжных магазинов и библиотек (типичным примером в 1969–1970 годах был перевод *Доктора Живаго* от Зоры Ессенской – по причине личности переводчицы и автора). То есть, мы говорим о переводах, которые были заказаны, но остались в хранилищах издательств, в основном по инициативе самих издателей (*Раковый корпус* Александра Солженицына в переводе Магды Такачовой, переводы Перлы Бжоховой с немецкого, но также и из-за своей не всегда ясно сформулированной «испорченности» тексты Андре Пьейра де Мандьярга, *Опасные связи* Шодерло де Лакло, Франсуазы Саган, Жуля Ромена, Маркиза де Сада и др.)¹⁰.

¹⁰ *Slovník slovenských prekladateľov umeleckej literatúry 20. storočia*, ред. Oľga Kovačičová (Bratislava: Veda, 2015).

К сожалению, только некоторые из них были изданы после 1989 года из-за того, что в небольшом пространстве словацкого книжного дела стали доминировать «законы рынка».

Неофициальное словацкое культурное пространство представляло собой область институционально недозволенной издательской деятельности на домашней территории, к которой относились издательская и переводческая деятельность эмиграции и попытки самиздата переводов. Перевод самиздата в Словакии был, как выясняется с некоторого расстояния, стороной монеты, в соответствии со временем ориентированной на тексты социального и гуманитарного направления, полемизирующие или прямо противоречащие официальным нарративам того времени. В культурно-историческом плане важно, что большинство таких публикаций относились к христианскому самиздату и прошли через руки одного из их авторов и распространителей – в трудах Рудольфа Лесняка: *Listy z podzemia. Kresťanské samizdaty. 1945–1989*¹¹ (полная документация христианской самиздатской публицистики 1945–1989 годов) и *Spätne zrkadlá*¹² (Библиографический перечень публикаций о преступлениях коммунизма в Словакии в г. 1945–1989).

Как в итоге видно из нашего краткого обзора, словацкое культурное (и, соответственно, переводческое) пространство

---

¹¹ В *Listoch z podzemia* (Письмах из подполья) (Bratislava: USPO Peter Smolík, 1998) Р. Лесняк сначала предлагает точное описание и характеристику периодических и непериодических изданий, а вся часть VI посвящена непериодическим публикациям переводов с мини-гlossарием полных библиографических данных: автор, название, язык оригинала, переводчик, способ воспроизведения или публикации текста, затем краткая тема и ключевые слова (с. 333–373), что составляет 419 записей. Еще 30 страниц (с. 375–401) посвящены избранным примерам переведенных текстов, среди которых не только художественные, но и религиозные тексты, молитвы, а также многочисленные философские или теологические тексты (например, Томас Мор). Важна также часть: библиографические работы по изучаемой теме, в которых отображены словацкий и чешский самиздат и эмиграция.

¹² Rudolf Lesňák, *Spätne zrkadlá*, jazyková redaktorka Soňa Lesňáková. Для Ústredie slovenskej kresťanskej inteligencie вышло в издательстве M. Vaška, Prešov 2003.

подвергалось разным формам цензуры: превентивная цензура проявлялась в выборе литературного произведения для перевода – в рассмотрении и строгом утверждении редакционных планов, в оценке текстов, в редакторской практике. Очевидцы (П. Заяц, В. Хегерова и др.) констатируют, что часто цензуре служила личная инициатива глав издательств в форме самоцензуры. Милан Шутовец, например, документально подтверждает существование картотеки нежелательных авторов в издательстве «Татран» (среди литературоведов и писателей). Включить непроходимого автора в редакционные планы означало поставить под угрозу исполнение производственного плана и, следовательно, собственную работу в учреждении. А превентивная цензура при отборе произведений для перевода создавала ситуацию идеологически мотивированного отбора и не перевода в принципе. Другой формой цензуры было «редактирование» текста, в ходе которого рекомендовалось исправлять или удалять любые не очень корректные идеологически или критические пассажи¹³. Наконец, подобная самоцензура применялась и при редактировании излишне экспрессивной лексики и эротически окрашенных пассажей, которые в переводной литературе из текста опускались (в качестве примера можно указать удаление щепетильных в эротическом плане фрагментов из *Выбора Софи* Уильяма Стайрона).

Все вышеперечисленные политические/идеологические вмешательства высших инстанций дискредитировали или вовсе делали невозможной работу переводчиков, редакторов, деформировали образы не только отечественных, но зачастую и зарубежных писателей, искажали их творчество, домашнюю – в наших рассуждениях – переводную литературу и были причиной ее непоследовательного восприятия.

Как можно видеть, область запретного в издательской сфере получается частично реконструировать, но сложнее проиллюстрировать и, главное, доказать работу редакторов, которые

---

¹³ Из собственного опыта могу подтвердить цензурные вмешательства «верхов» во время генеральных репетиций представления Михаила Шатрова *Belasé kone na červenej tráve* в ДРОН (Театр им. Павла-Орсага Гвездослава) в Братиславе.

помогали обходить цензуру, отказываясь подчиняться внутренним правилам, и даже, благодаря своей литературной и языковой квалификации, представляли переводные наименования так, чтобы не привлечь нежелательного внимания цензоров. Так, они часто под свою личную ответственность выступали за публикацию спорных с точки зрения власти произведений, или помогали пострадавшим переводчикам, давая их переводам другое имя, скрывали их настоящую личность, как документировала вышеупомянутая книга интервью с соответствующими переводчиками.

Годы с 1985 по 1989 назывались «перестройкой в литературе». Политический контроль литературы ослабевал, и авторы, которым было запрещено публиковаться, постепенно в нее возвращались. Культурная политика начала меняться в пользу домашнего пространства – стали издаваться новые литературно-культурные журналы («*Literárny týždenník*» – 1988) или литературный журнал для молодежи «*Dotyky*» (1986, с 1989 года самостоятельно). До этого момента мы говорили о «двухурвневой» цензуре литературы «советского происхождения» в словацком культурном пространстве (через советское авторское агентство и словацкий центр книжной культуры). Рене Билик замечает, что «в словацкой ситуации всегда присутствовал двойной процесс канонизации [...] сперва обязательную позицию занимал „советский образец“, и уже после него шли народные варианты»¹⁴, реальные количественные и качественные исследования производства переводов второй половины 80-х годов скорее доказывают правоту *oral history* о поиске и нахождении упомянутых прорех в тоталитаризме...

Таблицы – сводки русской и происходящей из стран бывшего СССР литературы за 1985–1990 годы показывают значительную дифференциацию в характере публикаций в отдельных издательских домах. «Перепроверку» достаточно однозначно демонстрирует издательство «Обзор» с самым большим числом переводов текстов русского и советского происхождения.

¹⁴ René Bilík, *Duch na reťazi. Sondy do literárneho života na Slovensku v rokoch 1945–1989* (Bratislava: Kalligram, 2008).

Среди публикаций – особенно в биографическом издании «*Postavy a osudy*» и «советском» издании «*Jantár*» есть выборочно и большие имена, но они скорее производят впечатление награды «за послушание» – *Жизнь господина де Мольера* Михаила Булгакова («*Postavy a osudy*», 1986), или военный *Знак беды* Василия Быкова («*Jantár*», 1986). Резкая перемена настает в 1990 году, о чем свидетельствует, например, издание готового и уже перед этим переведенного, но запрещенного раньше романа Евгения Замятина *Мы* или большой публикации *Таким был Высоцкий* (переводы, биография, дополнительные тексты).

Издательство «Татран» на самом деле выполняло немногие культурные задачи и, несмотря на существование внутренней цензуры и некоторые противоречия, можно вместе с З. Казларской и П. Заяцом констатировать, что вырабатывался новый дискурс:

Центральноевропейский дискурс 70-х и 80-х годов завершил возвращение литературы XX века из социалистического поля на траекторию современной литературы и привнес в данную проблематику новое культурно-историческое осмысление Центральной Европы как значимого европейского промежуточного пространства (мезопространства) культурного характера¹⁵.

В этом смысле действительно «перестроечную» роль сыграл уже упомянутый кружок русистов, который для редакции «*Nová sovietska tvorba*» издательства «Советский писатель» готовил каждый год план как минимум трех переводов нерусских литератур (балтская, украинская, белорусская, армянская, грузинская, казахская и др.), причем всегда два перевода были переводами повестей или романов, а третьим была антология рассказов для лучшего знакомства с другой – не русской – литературой в ее диахроническом и синхроническом аспектах. Ежегодные визиты переводимых писателей в рамках так называемого Месяца чешско-словацкой дружбы (ноябрь) также расширили возможности прямых контактов без институциональных посредников.

¹⁵ Peter Zajac, *Od estetiky k poetike chvenia* (Bratislava: Veda, 2020).

Это рассуждение я не могу не закончить словами моего учителя – русиста, переводчика, университетского профессора, который высказал их – верьте или нет – 32 года назад, и опубликовал в сборнике *Rozpad mitu i języka?*:

факт, что система, деградация которой вызывает революцию, [...] долгое время перед моментом переворота поляризует общество и народ. Поляризация продолжается и после переворота [...]. На поверхности отрицание «прошедших времен» проявляется как механическая замена оценочных знаков. Если посмотреть на тоталитарные системы социального типа, шум в каналах коммуникации возникает еще и потому, что понятийный аппарат, которым они определяются, представляет собой пеструю мешанину, где отдельные понятия теряют свой объем и содержание, перекликаются и смешиваются друг с другом и перестают быть эффективным инструментом познания, поскольку теряется обратная связь с реальностью. [...] Исчезновение политических и идеологических барьеров в то же время означает, что палитра понятий фигурирует как в интерпретациях, возникших внутри тоталитарных обществ, так и в интерпретационных концепциях, основанных на взгляде извне¹⁶.

Ответим же на вопросы, заданные в начале статьи. Несмотря на то, что тексты, выходящие в издании «*Nová sovietska tvorba*», должны были в духе самого издания для «советской» литературы представлять импорт соцреалистического капитала, их реализация не означала фактического повышения (насажденного) авторитета переводами только большой – русской литературы, но и часто литератур в положении, подобном положению словацкой литературы. Часто переводы текстов из этих литератур действительно подтверждали хоть и традиционные, но для литературного развития естественные нарративы, и таким образом не раз помогали догнать упущенное время.

БИБЛИОГРАФИЯ

Bílik, René. *Duch na reťazi. Sondy do literárneho života na Slovensku v rokoch 1945–1989*. Bratislava: Kalligram, 2008.

¹⁶ Ivan Slimák, “Utópia socializmu a jej literárny profil,” в: *Rozpad mitu i języka?*, ред. Barbara Czapik (Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1992), 34–40.

- Casanova, Pascale. "Consécration et accumulation de capital littéraire. La traduction comme échange inégal." *Actes de la recherche en sciences sociales*, t. 144, № 4 (2002). 7–20.
- Casanova, Pascale. *Světová republika literatury*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Nakladatelství Karolinum, 2012.
- Chalvin, Antoine, Muller, Jean-Léon, Talviste, Katre, Marie, Vrinat-Nikolov. *Histoire de la traduction littéraire en Europe médiane. Des origines à 1989*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2019.
- Deväť životov. Rozhovory o preklade a literárnom živote*. Ред. Radoslav Passia, Gabriela Magová. Bratislava: Kalligram, 2015.
- Lesňák, Rudolf. *Listy z podzemia*. Bratislava: USPO Peter Smolík, 1998.
- Lesňák, Rudolf. *Spätne zrkadlá*. Jazyková redaktorka Soňa Lesňáková. Prešov: M. Vaška, 2003.
- Londák, Miroslav, Sikora, Stanislav, Londáková, Elena. *Od predjaria k normalizácii. Slovensko v Československu na rozhraní 60. a 70. rokov 20. storočia*. Bratislava: Veda a Historický ústav SAV, 2016.
- Marčok, Viliam и др. *Dejiny slovenskej literatúry III*. Bratislava: LIC, 2004.
- Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996*. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1998.
- Slimák, Ivan. "Utópia socializmu a jej literárny profil." B: *Rozpad mitu i języka?* Ред. Barbara Czapik. 34–40. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1992.
- Slovník slovenských prekladateľov umeleckej literatúry 20. storočia*. Ред. Oľga Kovačičová. Bratislava: Veda, 2015.
- Zajac, Peter. "Odborníci," *týždeň*, June 22, 2008. <https://www.tyzden.sk/casopis/2661/odbornici/?ref=kat> (19.05.2025).
- Zajac, Peter. *Od estetiky k poetike chvenia*. Bratislava: Veda, 2020.

Mária Kusá – profesor, badacz niezależny w Katedrze Rusycystyki i Badań Wschodnioeuropejskich Uniwersytetu Komeńskiego w Bratysławie oraz w Instytucie Literatury Światowej Słowackiej Akademii Nauk. Zainteresowania i badania naukowe: teoria i historia przekładu, historia literatury i kultury rosyjskiej oraz litewskiej. Najważniejsze publikacje: *Literárny život. Literárne dianie. Literárny proces. Vnútroliterárne, mimoliterárne a medziliterárne súvislosti ruskej literatúry 20. storočia* (Bratislava 1997); *Preklad ako súčasť dejín kultúrneho priestoru* (Bratislava 2005).

Kontakt: masa.kusa@azet.sk